

КЛАВДИИ Ивановне Шульженко семьдесят... Нет ничего печальнее для артиста, чем отмеривать свои «радостные» круглые даты. Вспоминаются былые успехи, кто-то говорит о твоих уже недостижимых сегодня высотах мастерства, о заслугах. А юбиляр сидит в президиуме и прячет за улыбкой грусть.

Говорю об этом так спокойно потому, что все аксессуары традиционной юбилейности неприменимы к Клавдии Ивановне. В «табели о рангах» советских эстрадных певиц ей по праву и сегодня

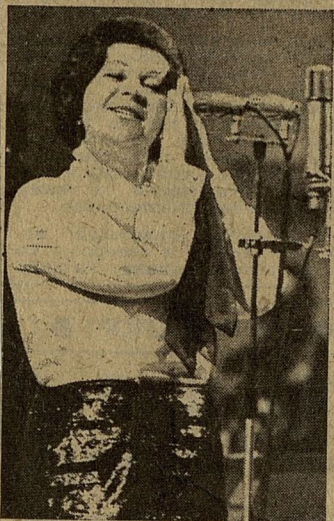
стать, что Клавдия Ивановна стала его лауреатом.

А потом грянула война. Наверное, если бы в активе певицы было исполнение только одной песни «Синий платочек», Клавдия Шульженко и тогда была бы любимцей народа. «Синий платочек», звучавший с брони танка или с грузовика, со сколоченной наскоро эстрады в прифронтовом лесу, «Синий платочек», исполняемый Шульженко по радио, — это был символ любви фронтовика, его преданности любимой, его неодолимой веры в нашу победу. И сейчас, спустя бо-

**ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ**

И В ЭТОМ

ВСЕ СЕКРЕТ...

принадлежит одно из первых мест. Она и сейчас не пишет мемуаров, не поучает своих молодых коллег, не брюзжит по поводу новых веяний и мод на эстраде — она поет. Поет замечательно, поет, как много лет назад, ярко, самобытно, неповторимо. И в этом, наверное, главная причина неувядающего успеха Клавдии Шульженко.

Я не раз слышал от композиторов, пишущих для эстрады, чьи произведения исполняет Клавдия Ивановна, что она умеет открывать в песне, особенно лирической, такие стороны, о которых сами авторы прежде не подозревали. Как это делается? Рецепта нет — есть индивидуальность замечательной певицы, главное достоинство которой заключается в богатстве интонационных оттенков и актерской игры, далеко выходящей за пределы нотной страницы. Великолепно владея этими средствами, Шульженко оживляет ими мелодию, усиливает роль стихотворного текста в песне и тем самым повышает эмоциональное восприятие ее слушателями. Могу смело утверждать, что есть немало песен, которые живы в памяти народа, поются до сей поры только потому, что к ним приложила свое мастерство, свою душу Клавдия Шульженко.

А все началось пятьдесят три года назад, в тот день, когда семнадцатилетняя девочка с рабочей харьковской окраины пришла к известному режиссеру, театральному деятелю Н. Н. Синельникову и, осмелев, предложила свои услуги. Николай Николаевич внимательно прослушал будущую актрису, исполнившую под аккомпанемент украинскую народную песню, и сказал:

— Недурственно! Приходите завтра на репетицию «Периколы».

Юноша-аккомпаниатор, которого Синельников любовно звал «Дуней», потом станет любимым композитором Клавдии Шульженко, прославится на весь мир под именем Исаака Осиповича Дунаевского...

Я хорошо помню Клавдию Ивановну на сцене Ленинградского мюзик-холла. Мы вместе выступали в главных ролях спектакля «Условно убитый». То было время становления советской эстрады, поисков собственных путей, отрыва от сложившихся канонов, от подражательства западным образцам. И когда в 1939 году проходил 1-й Всесоюзный конкурс артистов эстрады, уже ни для кого не было неожиданно-

лее трех десятилетий, когда в концертном зале появляется всегда подтянутая, полная жизни и энергии певица и со свойственной ей грациозностью держит за края синий платочек, публика встречает ее восторженными аплодисментами. А потом, когда она начинает петь, десятки убежденных седиными людей с рядами фронтовых наград на штатских пиджаках застывающе опускают повлажневшие глаза. Такова сила эмоционального воздействия певицы, такова сила искусства.

Лично мне еще с конца двадцатых годов была близка идея инсценировки, театрализации песни. И с этой точки зрения стиль Клавдии Шульженко являет собой яркий пример тех поистине неисчерпаемых возможностей, которые таит в себе этот, я бы сказал, особый вид эстрадного искусства. Можно обладать хорошими вокальными данными, но песня, просто спетая, угаснет в памяти сразу же после концерта. Песню надо «представлять», изображать, подавать с эстрады, как законченное литературно-музыкальное произведение, имеющее свою специфическую и драматургию, и режиссуру. Клавдия Шульженко — именно такая исполнительница. Причем великолепный вкус, врожденное чутье позволяют ей быть самой себе и режиссером. Это редкое и в то же время очень нужное дарование эстрадной певицы.

Обладая им, Клавдия Ивановна придает любой песне неповторимую окраску, подражать которой, воспроизводить которую практически невозможно. Творчество Шульженко самобытно во всех его проявлениях, оно то радует, то печалит, оно всегда заставляет и думать, и сопереживать. Жест, мимика, каждое движение певицы подчинено стремлению как можно полнее раскрыть музыкально-сценический образ своей героини — нашей современницы. В ее пении и мужество, и сила, и в то же время извечная, прекрасная женственность. Слушая Клавдию Ивановну, глядя на нее, теряешь ощущение времени, сбрасываешь отягченность прожитых лет. Единственная в своем роде, неповторимо прекрасна эта певица!

Сотни песен спето за полвека. Уже не одно поколение советских людей говорит о Шульженко, как о своей сверстнице, слушает ее пластинки в минуты радости и печали, шлет ей письма, полные сердечной благодарности. Люди благодарны певице за то, что ни разу ее голос не взял граждански фальшивой ноты, за то, что она всегда на передовой — там, где первопроходцам, солдатам, строителям нужна настоящая песня — ее, Клавдии Шульженко, песня.

И в день семидесятилетия певицы невольно приходят на память слова из исполняемой ею песни «Немного о себе», написанной Е. Жарковским на слова Д. Седых:

**Но как вы можете гореть,
Когда уж молодости нет!
Да просто надо не стареть,
Да просто надо не стареть!
Вот так... И в этом весь секрет.**

И в этом весь секрет...

Леонид УТЕСОВ.